

АДЕКВАТНОСТЬ ДИСКУРСА: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© 2002 Л.В. Цурикова

Воронежский государственный университет

Адекватность дискурсивных действий является необходимым условием успешного коммуникативного взаимодействия и любые ее нарушения в дискурсе – и содержательные, и прагматические, и языковые – немедленно ощущаются и фиксируются носителем языка. Прагмалингвистическая адекватность дискурса составляет один из важнейших аспектов нормально протекающего коммуникативного процесса, обеспечивая гармоничное социальное и информативное взаимодействие индивида с другими участниками общения. Это понятие характеризует интерактивные и языковые свойства составляющих дискурс речевых действий с точки зрения их успешности, “нормальности” и приемлемости для коммуникантов, которые квалифицируют дискурсивное поведение друг друга в соответствии со своими интуитивными представлениями о том, что является допустимым, приемлемым и уместным в каждой конкретной ситуации общения. Проблема здесь состоит в том, что то, что кажется естественным и нормальным одной стороне (говорящему) может восприниматься как неадекватное и отклоняющееся от нормального другой стороной (адресатом).

Например, в ситуациях межкультурного общения весьма типичны случаи, когда вполне правильные с лексической, грамматической и семантической точки зрения высказывания иностранцев носители языка воспринимают как “необычные”, “неуместные”, “неадекватные” и иногда просто не понимают, что эти высказывания означают в данной ситуации общения. В одной из публикаций по проблемам межкультурного общения этот феномен “неестественности” иноязычной речи даже получил название “дискурсивный акцент” [4]. Этот термин нам кажется весьма остроумным, поскольку он характеризует неадекватность речевого поведения в дискурсе и с точки зрения его порождения, и с точки зрения восприятия, а также ставит это явление в один ряд с уже описанными и изученными свойствами иноязычной речи.

В настоящей статье рассматриваются результаты исследования, направленного на изу-

чение феномена прагмалингвистической адекватности дискурса в условиях межкультурного общения и выявление значимости этого аспекта дискурсивной деятельности в процессе коммуникации. Наиболее продуктивным подходом к исследованию этого явления при этом оказывается изучение случаев *нарушения* адекватности дискурса и анализ причин, вызвавших эти нарушения. Данный метод широко применяется в лингвистике, логике и философии – работы по этим дисциплинам в последние десятилетия пестрят звездочками, и примеры семантических и прагматических аномалий теснят в них корректные примеры, поскольку всеми широко признается, что “в естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило” и “игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет своей целью проникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей” [1, 79]. Анализируя реальные случаи прагматически неадекватной коммуникации и пытаясь выявить причины этой неадекватности, мы, таким образом, получаем возможность проникнуть и в природу интересующего нас противоположного явления – адекватности дискурсивной деятельности.

Важно отметить, что речь здесь не идет об анализе ошибок, похожем на тот, что используется в контрастивной лингвистике, где рассматриваются “предсказуемые системные ошибки” как ошибки языковой компетентности (errors), противопоставляемые “непредсказуемым несистемным ошибкам” как ошибкам языкового употребления (mistakes и lapses), которые по определению исключаются из рассмотрения [3]. Анализируя неадекватное дискурсивное поведение в условиях иноязычного общения, проявляющееся именно в употреблении языка, мы говорим не об ошибках, т.е. нарушениях нормы, а об отклонениях от коммуникативных ожиданий, пытаясь одновременно выяснить, в чем, собственно, состоят эти ожидания. Цель такого анализа состоит в том, чтобы определить, насколько значимыми для успешной коммуникации вообще и межкультурной коммуникации, в

частности, являются несовпадения в выборе участниками дискурсивных стратегий, выходящие за пределы их ожиданий относительно действий друг друга в ситуации общения.

Очевидно, что анализ данных при таком курсе исследования предполагает их сопоставительное межкультурное описание, однако сопоставление при этом используется лишь как методологический прием для выявления общих теоретически значимых закономерностей и механизмов рассматриваемого явления. При этом, в отличие от традиционного сопоставительного или контрастивного описания, предполагающего системное сравнение двух объектов исследования, в центре внимания оказываются три вида исследовательских данных – иноязычная речь респондентов, речь носителей их родного языка и речь носителей языка общения в сходных коммуникативных ситуациях, а данные, полученные от двух последних групп информантов, используются в качестве контрольных. Такой подход, помимо проведения теоретического анализа феномена адекватности дискурса и решения методологической задачи получения наиболее репрезентативного исследовательского материала, позволяет решать и чисто прикладные задачи, связанные с теорией и практикой межкультурного общения и формированием коммуникативной компетенции у изучающих иностранные языки.

Особое значение здесь имеет тот факт, что единицей анализа при данном подходе является не отдельный речевой акт, а дискурсивное событие – совокупность прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели. Как показывает опыт, анализ прагматической адекватности дискурса на уровне единичных речевых актов (высказываний) оказывается недостаточным, поскольку не раскрывает особенностей их функционирования в рамках более сложно организованной системы речевых действий. Это обстоятельство, а также необходимость рассмотрения в процессе подобного анализа различных коммуникативно значимых социопрагматических и когнитивных факторов, делают дискурсивное событие наиболее оптимальной единицей описания.

Анализ прагматического адекватности дискурсивного поведения и взаимодействия различных коммуникативных и когнитивных факторов в дискурсе был проведен на примере описания спонтанной коммуникации на английском языке в рамках ситуации бытового общения, включающей приветствие, предложение услуги/субстанции, благодарность. При этом в фокусе внимания находилось дискурсивное по-

ведение говорящих по-английски носителей русского языка. Особенности этого поведения рассматривались с точки зрения его соответствия “нормам ожидания” носителей английской языковой культуры. Материалом для этого исследования послужили данные, полученные в ходе эксперимента, проведенного в виде открытой ролевой игры “Приход в гости друга”, коммуникативное взаимодействие в которой было максимально приближено к условиям реального общения.

Выбор в качестве экспериментальной ситуации именно этого типа коммуникативной ситуации был обусловлен тем, что, во-первых, она является типичной и обыденной и для англоязычной, и для русскоязычной культуры, и для контекстов межкультурного общения, и поэтому хорошо знакома носителям обоих языков; во-вторых, она имеет ограниченное определенными рамками содержательное наполнение, что снижает влияние тематической составляющей на течение дискурса, позволяя сосредоточить внимание на том, *как* ведется коммуникация с интеракционной и прагматической точек зрения; и, наконец, в-третьих, для ее реализации все информанты обладали достаточным уровнем языковой компетенции, что уменьшало вероятность появления у них в процессе общения чисто языковых затруднений и обеспечивало возможность довольно свободно и уверенно чувствовать себя в этой коммуникативной ситуации.

В нашем эксперименте приняли участие 80 респондентов – 52 носителя русского языка и 28 носителей английского языка. 28 носителей русского языка, не владевших английским языком, общались друг с другом по-русски, а 28 носителей английского языка, не знающих русского, вели общение на английском языке. Эти группы информантов использовались в качестве контрольных. 24 русскоязычных информанта – студенты английского отделения факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, изучающие английский язык в течение 9-14 лет, – вели общение на английском языке. Таким образом, участники эксперимента были разделены на 3 группы: 1) носители английского языка (28 человек); 2) носители русского языка, говорящие по-английски (24 человека); 3) носители русского языка, не говорящие по-английски (28 человек). В ходе эксперимента было записано на пленку 40 эпизодов устной коммуникации, из них 14 эпизодов общения носителей английского языка, 12 эпизодов общения носителей русского языка, говорящих по-английски, и 14 эпизодов общения по-русски носителей русского языка.

Разделенным на пары участникам эксперимента было предложено проиграть на английском или русском языке одну и ту же коммуникативную ситуацию “Приход в гости друга”. Информантам предъявлялась одна общая и по одной индивидуальной ролевой карточке, в каждой из которых содержалось описание условий их взаимодействия. При этом прямые указания, связанные с целью эксперимента (например, “поздоровайтесь”, “предложите чашку чаю” и т.п.) в карточках-стимулах отсутствовали – в них давалось лишь описание действий участников и определялась их ситуативная роль. При формулировании условий ролевой игры ее релевантные социопрагматические параметры и определенные темы общения были конкретизированы и описаны так, чтобы она казалась небольшой сценой из жизни. Например:

Общая ролевая карточка

Англоязычный вариант: “You are friends. One of you comes to visit the other. The host helps the visitor with the coat. You go into the living room and the host suggests having a cup of tea”.

Русскоязычный вариант: “Вы друзья. Один из вас приходит в гости к другому. Хозяин помогает гостю снять пальто. Вы проходите в гостиную и хозяин предлагает выпить чашечку чаю”.

Индивидуальные ролевые карточки

Англоязычный вариант: “You are the host”; “You are the guest”.

Русскоязычный вариант: “Вы хозяин”; “Вы гость”.

Выполнение условий ролевой игры требовало от ее участников последовательного осуществления в рамках одного дискурсивного взаимодействия трех дискурсивных событий – приветствия, предложения, благодарности. Задавая определенные социопрагматические параметры экспериментальной ситуации (непринужденная/неформальная обстановка общения; равное взаимоположение коммуникантов; близкая социально-психологическая дистанция между ними), такая формулировка, тем не менее, давала информантам возможность самим определять конкретные цели и стратегии дискурсивного общения и осуществлять те речевые действия, которые они считали наиболее уместными в предлагаемых условиях, выбирая для этого соответствующие языковые средства. Времени для

обдумывания и обсуждения своих действий информантам не предоставлялось – их реакции были максимально естественны и спонтанны. Все речевые действия участников эксперимента записывались на диктофон. Полученные в результате эксперимента эпизоды иноязычного общения сравнивались с аналогичными отрезками дискурса информантов контрольных групп, а также были предъявлены 5 носителям английского языка для оценки их приемлемости и адекватности без объяснения целей и деталей эксперимента. В тех случаях, когда носители английского языка определяли речевые действия иноязычных информантов как “странные”, “необычные”, “неуместные”, “неестественные”, “неадекватные” и т.п., их просили пояснить, что именно в этих действиях привлекло их внимание и вызвало такую оценку.

В ходе выполнения экспериментального задания обнаружилось, что в каждой из групп дискурсивное поведение информантов оказывается очень похожим. В то же время в целом эти группы в аналогичных условиях ведут себя по-разному как в интерактивном, так и в языковом плане. Несмотря на сходство основного событийного содержания, заданного условиями эксперимента, общие интерактивные модели дискурсивного взаимодействия в данной ситуации общения у информантов двух групп существенно различаются (см. Таблицу 1). Особенно бросаются в глаза различия между дискурсивными действиями носителей английского и русского языка при осуществлении речевого события предложения угощения. Как обнаружилось в ходе эксперимента, предлагая напитки, носители английского языка всегда выясняют, как именно гость предпочитает пить свой напиток – с сахаром или без сахара, с молоком или без молока, крепкий или слабый (чай, кофе), со льдом или безо льда, разбавленным или нет (другие напитки). Все это нашло отражение в эксперименте: 100% англоязычных информантов, предлагая угощение, задавали соответствующие вопросы и давали соответствующие ответы. Кроме того, все они всегда выражали благодарность предлагающему в конце этих “переговоров”, а многие (50%) благодарили его дважды – сразу после согласия принять угощение, а также после обсуждения желаемого напитка.

ТАБЛИЦА 1. Типы и последовательность речевых актов в экспериментальной ситуации общения (частотность более 50%)

1. Носители английского языка	2. Носители русского языка, говорящие по-английски	3. Носители русского языка
1. X: РА Приветствия	1. X: РА Приветствия	1. X: РА Приветствия
2. Г: РА Приветствия	2. Г: РА Приветствия	2. Г: РА Приветствия
3. X: РА Вопросы (приветствие)		
4. Г: РА Сообщения (ответ) →		
5. → РА Вопросы (приветствие)		
6. X: РА Сообщения (ответ) →		
7. → РА Приглашения (войти) →		7. X: РА Приглашения (войти) →
8. → РА Предложения услуги (пальто)	8. X: РА Предложения услуги (пальто)	8. → РА Предложения услуги (пальто)
9. Г: РА Согласия →	9. Г: РА Согласия →	
10. → РА Благодарности		
11. X: РА Приглашения (в комнату)	11. X: РА Приглашения (в комнату)	11. X: РА Приглашения (в комнату)
14. → РА Предложения	14. → РА Предложения угощения	14. → РА Предложения угощения
15. Г: РА Согласия →	15. Г: РА Согласия →	15. Г: РА Согласия →
16. → РА Благодарности		
17. X: РА Вопросы (сахар, молоко)		
18. Г: РА Сообщения (ответ о чае)		
19. → РА Благодарности		

Г - гость
X - хозяин

Таким образом, это речевое событие осуществлялось по довольно жесткому сценарию, включающему набор определенным образом организованных обязательных действий. Носители английского языка следовали этому сценарию автоматически и почти неосознанно, поскольку он представляется им естественным и единственно возможным. Интересно, что только после предъявления им для комментариев эпизодов коммуникации русскоязычных респондентов, многие наши эксперты-носители английского языка впервые отметили для себя наличие у них четкой и довольно своеобразной модели реализации этого события в дискурсе.

В то же время, эксперимент показал, что говорящие по-английски носители русского языка не воспринимают это речевое событие как особым образом структурированное. 83,4% из них не заинтересовались у гостя, как именно он предпочитает пить свой чай или кофе – вопрос о том, нужен ли гостю сахар, задали лишь 16,6% информантов данной группы. При этом однократную благодарность за предлагаемое угощение хозяину выразили только 8,3% гостей. Помимо этого, обращает на себя внимание заметное различие в том, за что и как часто гости благодарили хозяев в двух группах. В то время как

англоязычные информанты выражали благодарность практически за все действия хозяина, русскоязычные участники эксперимента делали это крайне редко. Это подтверждает сделанные нами ранее наблюдения, свидетельствующие о том, что действия, которые носители английского языка однозначно воспринимают как стимул для выражения благодарности, не вызывают такой реакции у носителей русского языка. Таким образом, англоязычная интерактивная модель данного дискурсивного взаимодействия содержит больше этапов, большинство из которых являются обязательными, порядок этих шагов зафиксирован и нарушается редко. Русскоязычная модель короче, содержит минимум обязательных шагов и предоставляет коммуникантам возможность замены вербальных действий невербальными. Она является менее интерактивной, оставляя гостю меньше возможностей отреагировать.

При сопоставлении всех трех интерактивных моделей ситуации общения хорошо видно, что дискурсивные действия русскоязычных информантов групп 2 и 3 в данной ситуации общения практически полностью совпадают, существенно отличаясь при этом от действий англоязычных коммуникантов. Это означает, что,

используя английский язык, русскоязычные участники эксперимента действовали в дискурсе в основном по-русски. Кроме того, большое количество речевых актов и их упорядоченность в дискурсе англоязычных респондентов делали их коммуникативное взаимодействие более длительным и ритуализованным по сравнению с общением русскоязычных коммуникантов, которые гораздо быстрее решали поставленные перед ними коммуникативные задачи и завершали экспериментальную интеракцию.

Анализ языковых особенностей коммуникативного поведения информантов двух групп в ролевой игре показал, что для осуществления одних и тех же речевых действий англоязычные и русскоязычные респонденты стабильно используют разные языковые средства.

Так, при приветствии английские участники эксперимента употребляли фразы *Hi/Hiya* [haia]; *How are you?*; *How's it going?*; *How are things?*; *How're you getting on?*; *How nice to see you*, не выходя за рамки закрепленных за этим речевым событием списка форм. Заданные условиями эксперимента социопрагматические параметры общения заметно сузили диапазон этих форм, не изменив, однако, их ритуального характера.

Русскоязычные информанты для краткого приветствия использовали фразы *Hi* и *Hello*, иногда сопровождая их высказываниями, не встречавшимися в аутентичном английском дискурсе, например: *Hi – Hi → I'm glad to see you. – I'm glad to see you; Don't say you're not glad to see me. – Of course I'm glad. Hi*. В тех редких случаях (14,3%), когда русскоязычные респонденты использовали в дискурсе развернутое приветствие, они совершали соответствующие действия по полному – “классическому” – формату (*Hi – Hi → How are you? – Fine, thank you. And you? – Fine, thanks.*), не употребляя никаких других возможных форм приветствия. В подавляющем же большинстве интеракций (85,7%) их приветствия были краткими.

Приглашая гостя войти в дом, англоязычные участники независимо от пола и возраста чаще всего употребляли императивные высказывания *Come in* (35,7%), *Come on in (inside)* (21,5%), в том числе в эмфатической форме *Do come in* (7,1%), а также вопрос *Do you want to come in?* (35,7%). Из русскоязычных коммуникантов пригласили гостя войти в дом только двое, используя фразы *Please do come in* и *Come in please*, которые были расценены носителями английского языка как слишком формальные в этом контексте.

Предлагая гостю снять/повесить пальто, англоязычные информанты чаще всего говорили *Do you want to take off your coat?* (42,9%); *Let me*

take your coat (28,5%); *Can I take your coat?* (21,5%); *I'll take your coat for you* (7,1%). Из всех этих высказываний русскоязычные участники эксперимента использовали лишь фразу *Let me take your coat* (21,5%). Все остальные их способы осуществления этого речевого акта были охарактеризованы экспертами-носителями языка как “странные”, “неестественные”, “неуместные”, несмотря на то, что ни в одном из употребленных для этого высказываний не было ни грамматических, ни лексических ошибок: *Could I take your coat please?*; *May I take your coat?*; *Let me take your coat please*; *Shall I take your coat?*; *Can I help you with your coat?*; *Give me your coat*; *Want me to help you with your coat?*; *It's ok if you leave your coat here*.

В ответ на предложение этой услуги все англоязычные респонденты либо выражали согласие и благодарность (*yes/yeah/all right, thank you* – 64,3%), либо, отдавая пальто хозяину, говорили *Here you go/Here you are, thank you* (35,7%). 75% русскоязычных информантов тоже отреагировали на это вербально, выразив согласие (*OK; Aha; Ugu; Oh; Yeah; Well, have it; Here it is*), но только 33,3% поблагодарили за это предложение, используя для этого, наряду с “нормальным” *Thank you*, фразы *Thank you very much; That's very kind of you*, признанные носителями языка неадекватными (“слишком вежливыми”) в данном контексте общения.

При приглашении в комнату англоязычные участники обычно использовали императивные конструкции (*Come into the living room (and sit down); Come in through here* – 62,5%), иногда эмфатически усиливая их (*Do come in; Do sit down; Please come into the front room*), а также вопросительные конструкции (*Do you want to go into the living room and sit down?*; *Shall we go upstairs to the living room?*). Русскоязычные информанты употребляли в этом случае фразы (*Let's go to the living room; Let's make it into the living room; Come this way; This way please; You're welcome, come this way; Make yourself comfortable, please come here*), ни одна из которых не была признана носителями языка удачной для данной ситуации общения.

Предлагая гостю угощение, англичане использовали такие вопросительные по форме высказывания, как *Do you want a cup of tea?* (42,8%); *Would you like anything to drink/Would you like a cup of tea or (a cup of) coffee?* (28,5%); *Can I get you a drink/a cup of tea?* (21,4%); *What would you like to drink?* (7,1%). Русскоязычные участники эксперимента использовали единственную форму из этого списка – *Would you like a cup of tea?*, – которая оказалась у них наиболее частотной (50%). Тем не менее, и ее они иногда

делали “странной” для носителей языка, говоря, например, *Would you like a cup of tea or maybe/probably coffee?* или *Would you like to have a cup of tea?* Кроме этой фразы, для предложения угощения носители русского языка использовали такие неуместные и неестественные в этом контексте, с точки зрения англичан, высказывания, как *I'll treat you to a nice cup of tea; Can I offer you a cup of tea or coffee?; What about a cup of tea?* Некоторые из употребленных ими форм были определены как “вообще невозможные” (*absolutely impossible*), например, *Maybe a cup of tea?; Probably I shall go and make some tea.*

В ответ на предложение угощения все русскоязычные информанты выразили согласие его принять, используя фразы *Yes; Coffee would be great; With (great) pleasure; What a great pleasure; I'd love to; Probably a cup of tea; Oh, that will be fine; Yes, please; Tea/coffee, please.* Только последние две формы (*Yes, please; Tea/coffee please*), употребленные всего в 25% случаев, были определены англоязычными экспертами как “нормальные” – остальные были признаны неадекватными. Англоязычные участники эксперимента выражали согласие принять предлагаемое угощение, используя высказывания, обязательно имеющие в своем составе слово *please* (*Yes, please; Tea, please*), которое не являлось при этом средством выражения благодарности: в 64,2% случаев они сразу после согласия принять угощение благодарили хозяина, говоря, например, *Yes, please. Thank you.*

Другими вариантами реакций на предложение угощения были *Yes, I'd love a cup of tea, please; I'll have a cup of tea, please; A cup of tea would be very nice, thank you very much.* В 21,4% случаев носители английского языка после выражения согласия принять угощение сразу общались хозяину, как они предпочитают пить выбранный ими напиток (*Yes, I'd love a cup of tea, please. I take it very weak though, without any milk. Thank you; I'll have a cup of tea, please. No milk and one sugar. Thank you.*), очевидно, “сворачивая” дальнейший сценарий этой ситуации общения и экономя усилия хозяина, которые он должен затратить на выяснение необходимой информации.

В данном случае бросается в глаза, что реакция носителей русского языка на выражаемое посредством вопросительной конструкции предложение угощения выглядит как ответ на “искренний” информативный вопрос, в то время как англоязычные респонденты используют в этом контексте специфическую формулу, указывающую на то, что заданный вопрос воспринят именно как предложение угощения. Эта, на первый взгляд, незначительная разница, тем не

менее, полностью меняет интерактивный статус совершаемого речевого действия: из речевого акта вежливого согласия оно превращается в речевой акт ответа (сообщения информации), нарушая тем самым жесткую структуру английской интерактивной модели речевого события предложения угощения. Таким образом, в данном случае (как, впрочем, и во многих других) русскоязычные коммуниканты совершают неожиданные для носителей английского языка речевые акты, не входящие в число допустимых для актуализируемой в данном дискурсивном взаимодействии интерактивной модели этого речевого события.

Практически все русскоязычные участники эксперимента завершали дискурс после того, как гость соглашался выпить чашку чая: хозяин со словами *OK* (33,3%); *OK, let's go* (33,3%); *Ok, here; Ok, I'll do it; I'll be in a minute; Wait a minute* отправлялся готовить для гостя напиток.

Носители английского языка, между тем, продолжали взаимодействие, в процессе которого хозяин задавал гостю вопрос о том, как тот предпочитал пить свой напиток – с сахаром, молоком, или без них, – получая в ответ соответствующую информацию. Составляя обязательную, почти ритуальную часть данной интеракции, вопрос этот, тем не менее, имел вполне свободную форму: *How do you like your tea?; And what do you take?; Do you want some milk and sugar in it?; Milk and sugar?* и т.п. Гость подробно отвечал на этот вопрос и еще раз благодарил хозяина: *I'll have it black, please, no sugar. Thank you; Two sugars and no milk, please. Thanks; Just milk, no sugar, thanks; Just as it is – no milk, no sugar, rather weak, thank you; Milk and one sugar, thanks* и т.п. Хозяин, “приняв заказ”, мог завершить на этом интеракцию словами *OK, I'll just get that for you; I'll be back in a minute* и т.п., но мог сделать и еще одно предложение, задав вопрос *Do you want anything else (with it)?; Would you like anything else? Biscuits, lemon cake?* и продляя тем самым речевое событие предложения угощения. В нашем эксперименте 21,4% англоязычных участников поступили таким образом.

Сопоставляя списки языковых средств, употребляемых англоязычными и говорящими по-английски русскоязычными информантами для совершения одних и тех же дискурсивных действий, легко заметить, что русскоязычные участники эксперимента использовали в своем дискурсе очень небольшое количество “аутентичных” форм, т.е. тех конвенциональных языковых средств, которые носители английского языка воспринимают как уместные и возможные в данном контексте общения. В Таблице 2, представляющей языковые формы, использо-

ванные в ходе эксперимента участниками двух групп, хорошо видны стабильные различия между ними (совпадающие формы подчеркнуты).

ТАБЛИЦА 2. Языковые средства, использованные информантами в дискурсе

Речевые акты	Языковые средства реализации	
	Носители английского языка	Носители русского языка, говорящие по-английски
Приветствие	<i>Hi/Hiya [haia] How nice to see you <u>How are you?</u>/How's it going? /How are things? /How're you getting on? <u>Fine</u> /Not bad <u>And you?</u> I'm ok</i>	<i>Hi/Hello I'm glad to see you Don't say you're not glad to see me Of course I'm glad <u>How are you?</u> <u>Fine, thank you. And you?</u> <u>Fine, thanks</u></i>
Приглашение в дом	<i>Come in /Come on in (inside) /Do come in /Do you want to come in?</i>	<i>Please do come in Come in please</i>
Предложение услуги (снять/повесить пальто)	<i>Do you want me to take your coat? <u>Let me take your coat</u> Can I take your coat? I'll take your coat for you</i>	<i>Could I take your coat please? May I take your coat? <u>Let me take your coat</u> Let me take your coat please Shall I take your coat? Can I help you with your coat? Give me your coat Want me to help you with your coat? It's ok if you leave your coat here.</i>
Согласие + Благодарность	<i>Yes /Yeah /All right, <u>thank you</u> Here you go Here you are, thank you</i>	<i>OK/Aha/Ugu/Oh/Yeah Well, have it /Here it is <u>Thank you</u> /Thank you very much That's very kind of you</i>
Приглашение в комнату	<i>Come into the living room (and sit down) Come in through here /Do come in /Do sit down Please come into the living room Do you want to go into the living room and sit down? Shall we go upstairs to the living room?</i>	<i>Let's go to the living room Let's make it into the living room Come this way This way please You're welcome, come this way Make yourself comfortable, please come here</i>
Предложение угощения	<i>Do you want a cup of tea? Would you like anything to drink? <u>Would you like a cup of tea or (a cup of) coffee?</u> Can I get you a drink/ a cup of tea? What would you like to drink?</i>	<i><u>Would you like a cup of tea?</u> Would you like a cup of tea or maybe/ probably coffee? Would you like <u>to have</u> a cup of tea? I'll treat you to a nice cup of tea Can I offer you a cup of tea or coffee? What about a cup of tea? Maybe a cup of tea? Probably I shall go and make some tea I'll make some tea</i>
Согласие + Благодарность	<i><u>Yes, please</u> <u>Tea/coffee, please</u> Yes, please. Thank you. Yes, I'd love a cup of tea, please I'll have a cup of tea, please A cup of tea would be very nice, thank you very much [Yes, I'd love a cup of tea, please. I take it very weak though, without any milk. Thank you] [I'll have a cup of tea, please. No milk and one sugar. Thank you]</i>	<i>Yes Ok Coffee would be great With (great) pleasure What a great pleasure I'd love to Probably a cup of tea Oh, that will be fine <u>Yes, please</u> <u>Tea/coffee, please.</u></i>
Вопрос о напитке	<i>How do you like your tea? And what do you take? Do you want some milk and sugar in it? Milk and sugar?</i>	—
Сообщение информации + Благодарность	<i>I'll have it black, please, no sugar, thank you Two sugars and no milk, please, thanks Just milk, no sugar, thanks Just as it is – no milk, no sugar, rather weak, thank you Milk and one sugar, thanks</i>	—
[Дополнительное предложение]	<i>Do you want anything else(with it)? Would you like anything else? Biscuits, lemon cake?</i>	—
[Реакция хозяина]	<i>OK, I'll just get that for you I'll be back in a minute</i>	<i>OK /OK, let's go /OK, here /Ok, I'll do it I'll be in a minute / Wait a minute</i>

Особенности дискурса говорящих по-английски носителей русского языка были отмечены всеми англоязычными экспертами. При этом эксперты определяли как “необычные”, “неожиданные”, “неуместные”, “странные”, “непонятные” и “неестественные” не только использованные инофонами вполне правильные с лексической и грамматической точки зрения языковые формы (причем некоторые из употребленных форм были определены как “вообще невозможные” (*absolutely impossible*), например, *Maybe a cup of tea?; Probably I shall go and make some tea*), но и сами речевые действия, которые эксперты иногда затруднялись интерпретировать (например, выполняемые посредством таких высказываний как *Wait a minute; It's ok if you leave your coat here*).

Основные претензии англоязычных экспертов к дискурсивному поведению говорящих по-английски носителей русского языка в целом сводятся к следующему: **во-первых**, совершаемые ими в дискурсе речевые действия не всегда оказываются уместными и поэтому понятными; **во-вторых**, используемые ими в дискурсе языковые формы, несмотря на отсутствие в них серьезных лексических и грамматических ошибок, не являются конвенциональными средствами выражения соответствующего коммуникативного значения (отсюда комментарии типа “Так не говорят”); и, **в-третьих**, в том случае, если эти формы конвенциональны, они часто не соответствуют регистру общения в данном контексте (“слишком формальны” или “слишком неформальны”) или вступают в конфликт друг с другом, что происходит при употреблении форм, относящихся к разным регистрам общения, в рамках одного ситуативного контекста. Последний случай хорошо знаком лингвистам и традиционно рассматривается как нарушение стилистической целостности дискурса, однако его можно интерпретировать и с других позиций. Все перечисленные отклонения, выражающиеся в неправильном использовании языка, имеют место на прагматическом уровне коммуникации и являются следствием нарушения прагматических норм языкового функционирования. Эти нарушения и приводят к восприятию дискурса как прагматически неадекватного. Мы выделяем два основных вида такой неадекватности – социопрагматическую и прагмалингвистическую. Все отмеченные нами в ходе эксперимента случаи отклонений дискурсивного поведения русскоязычных коммуникантов от “норм ожидания” носителей английского языка могут быть описаны как их разновидности.

Социопрагматическая неадекватность дискурса связана с некорректными пресуппозициями участников дискурсивного взаимодействия о нормах (осознаваемых и неосознаваемых) коммуникативного поведения в иноязычной культуре и с неверными представлениями о том, какие коммуникативные действия являются обязательными, допустимыми и возможными в каждой конкретной ситуации общения в этой культуре. Имея место на уровне интеракциональной реализации дискурса, социопрагматическая неадекватность чаще всего проявляется в том, что коммуниканты либо совершают в дискурсе неожиданные для другой стороны речевые действия, либо, напротив, не совершают тех действий, которых от них ждет собеседник. Причиной того, что партнеры по коммуникации воспринимают дискурсивные действия друг друга как неадекватные, является то, что в их собственных когнитивных моделях соответствующих речевых событий определенные коммуникативные действия либо не предусмотрены, либо, напротив, предполагаются. Так, в ходе нашего эксперимента было выявлено, что при сходстве общей схемы речевого события угощения у носителей английской и русской языковых культур существенно не совпадают реализующие ее скрипты, что, с одной стороны, объясняет стабильные расхождения в осуществлении этого речевого события у англоязычных и русскоязычных коммуникантов, а с другой стороны, дает ключ к пониманию того, почему первые воспринимают поведение в этой ситуации вторых как “непривычное” и “какое-то не такое”. Таким образом, социопрагматическая неадекватность дискурса является серьезным нарушением его естественности в глазах носителей языка.

Прагмалингвистическая неадекватность дискурса, имеет место на уровне языковой реализации коммуникативных действий и связана с некорректными представлениями относительно значений и условий употребления конвенциональных языковых форм, используемых в дискурсе. Несмотря на то, что обычно речь здесь не идет об ошибках в грамматике или лексике, тем не менее, употребление определенных высказываний для выражения не свойственных им коммуникативных значений (или для осуществления речевых действий, которые посредством этих высказываний выполнены быть не могут) ставит подобные нарушения в один ряд с лексическими нарушениями. Нарушение конвенций употребления разрушает стандартную ассоциативную связь между объектом обозначения и формой так же, как это бывает в случае невер-

ного использования лексической единицы для обозначения понятия. При этом важно отметить, что конвенциональная форма оказывается закреплённой не просто за определённым коммуникативным значением, и даже не только за определённым речевым актом, но за целым речевым событием со всеми его семантическими, интеракционными и социальными условиями успешности. Вырвав конвенциональную форму из ситуации употребления, с которой она ассоциирована, и связав ее лишь с “узким” коммуникативным значением речевого акта, говорящий рискует “не попасть” в контекстные условия речевого события, в рамках которого осуществляется этот речевой акт.

Имея, как правило, самое общее представление о грамматической структуре речевой конвенции, русскоязычные коммуниканты не соотносят ее с типологическими признаками тех речевых актов, для выполнения которых эта конвенция предназначена, и вполне произвольно наполняют эту конструкцию разным “речеактивным содержанием”. В результате получаются такие фразы, как *Could I take your coat please?/Let me take your coat please*, в которых выражается одновременно предложение услуги и побуждение (в английском языке *please* является маркером побудительности, а не только вежливости). Поскольку два эти действия направлены на разных участников интеракции (в предложении услуги исполнителем предсказуемого действия является говорящий, а в побуждении – адресат), совмещение двух противоположных актов в одном высказывании приводит как бы к их взаимному уничтожению, делая такие высказывания практически бессмысленными. Русскоязычные информанты, однако, этого не замечают, поскольку в их сознании данные конструкции не привязаны к определенным интерактивным моделям, вернее, привязаны, но не к тем и не так, как у носителей английского языка.

Так, форма *Yes, please* не воспринимается носителями русского языка как конвенция, выражающая принятие предложения со стороны собеседника выполнить определенное действие (в данном случае – приготовить чай или кофе), что объясняет появление в ней побудительного *please*. Русскоязычные коммуниканты видят в ней лишь форму выражения согласия принять предлагаемую субстанцию (чай/кофе) и используют ее для выполнения именно этого речевого акта, обычно опуская *please* и нарушая тем самым интерактивную организацию английского речевого события предложения угощения.

Прагмалингвистические нарушения адекватности дискурса, имеющие место при исполь-

зовании и идиоматизированных конвенциональных форм, и более свободных “конвенций употребления”, также приводят к серьезным отклонениям от его нормального и естественного течения, с точки зрения носителей языка.

Оба типа отклонений – и социопрагматические, и прагмалингвистические – могут проявляться в речи иноязычных коммуникантов одновременно, составляя **смешанные, или комплексные, прагматические нарушения адекватности дискурса**. Например, предлагая по-английски носителю этого языка какое-либо угощение несколько раз и используя для этого фразы *Take this piece of cake; You can't refuse; It's so delicious; Just try a little bit* и т.п., русскоязычный говорящий делает “не то” и “не так”, с точки зрения англоязычного адресата, нарушая его коммуникативные ожидания и в отношении допустимого содержания речевых действий в данной интеракции, и в отношении конвенциональных форм их реализации.

Анализ речевых действий русскоязычных коммуникантов в условиях иноязычного общения показывает, что в основе их неадекватного, с точки зрения носителей английского языка, дискурсивного поведения лежат причины когнитивного характера, связанные с влиянием когнитивных моделей родной языковой культуры на их англоязычный дискурс. Влияние это может быть как следствием прямого переноса дискурсивных моделей одного языка в другой, так и следствием процессов конвергенции моделей двух культур, в результате которых под воздействием самых разных причин у билингва могут складываться новые, отличные как от родных, так и от иноязычных, дискурсивные модели.

Прямой перенос, или трансференция, когнитивных дискурсивных моделей родной языковой культуры является основной и наиболее частой причиной нарушений прагматической адекватности дискурса при общении на иностранном языке. Как показал проведенный нами эксперимент, русскоязычные информанты неосознанно строят свою коммуникацию на английском языке на основе своих “родных” представлений о значимых коммуникативных факторах в той или иной ситуации общения и о возможных стратегиях поведения в ней, а также на обусловленных нормами русского языка предположениях относительно значений и условий употребления конвенциональных языковых форм, используемых ими в дискурсе. В результате этого на уровне дискурсивной реализации наблюдается перенос интерактивных и языковых стратегий родного языка в иностранный –

социопрагматические и прагмалингвистические трансферы.

Как правило, иноязычные коммуниканты при этом даже не подозревают, что их дискурсивные стратегии не соответствуют “нормам ожидания” носителей языка общения и выходят за рамки допустимого диапазона отклонений для естественного аутентичного дискурса. Это объясняется тем, что в ситуации межкультурной коммуникации сходство базовых – интегральных – признаков актуализируемого речевого события у носителей разных языков обеспечивает им возможность поверхностно успешного общения. Это создает у собеседников иллюзию полного взаимопонимания (т.к. обе стороны воспринимают ситуацию как знакомую, понятную и одинаковую для них) и одновременно затрудняет осознание имеющихся различий, или слабых контрастов, поскольку дифференциальные признаки этого события в двух культурах не воспринимаются ими как значимые.

Прямой перенос когнитивных моделей родной культуры в дискурс на иностранном языке имеет место тогда, когда иноязычные коммуниканты воспринимают актуализируемое на этом языке речевое событие как полностью идентичное аналогичному речевому событию в их родной культуре. Подсознательная установка на идентичность приводит к тому, что, наблюдая аутентичную иноязычную коммуникацию и даже оказавшись в соответствующей культурно-языковой среде, билингвы зачастую оказываются не в состоянии интуитивно определить, чем эти речевые события отличаются в двух культурах. Уже имеющиеся в их сознании когнитивные модели родной культуры служат структурирующей базой для поступающей новой инокультурной информации. При сходстве интегральных признаков дискурсивных событий в родной и иноязычной культурах эти признаки воспринимаются как классифицирующие – на их основании новая информация помещается в знакомое когнитивное пространство: в уже имеющиеся в сознании билингва скрипты добавляются лишь репрезентации новых языковых средств реализации соответствующих речевых актов. Дифференциальные признаки нового, которые могут выделяться по другим, незнакомым основаниям, при этом часто не осознаются и не замечаются, поскольку у носителя другой культуры просто нет когнитивного инструмента для их анализа. В результате иноязычные коммуниканты воспринимают речевые события “чужой” и родной культур как полностью идентичные, вследствие чего они осуществляют общение на иностранном языке по законам своей родной культуры, совершенно не осознавая этого, по-

скольку такой способ ведения коммуникации представляется им единственно возможным и естественным.

Как показал проведенный нами анализ речевых событий приветствия, выражения благодарности и предложения услуги/субстанции в английском и русском языках [2], модели этих событий в двух языковых культурах обнаруживают значительное сходство. В то же время, между ними имеются существенные различия, оказывающие решающее влияние на способы их реализации в дискурсе. Не осознавая этих различий, билингвы осуществляют коммуникацию, актуализируя модели своей родной языковой культуры, но используя для этого грамматику и лексику иностранного языка. Все это наглядно проявилось в условиях проведенного нами эксперимента, в ходе которого некоторые из говорящих по-английски русскоязычных информантов, используя английские языковые формы, осуществляли свои дискурсивные действия порусски. При этом они или реализовывали русскую интерактивную модель ситуации общения, или использовали сходные с русскими речевые стратегии ведения дискурса, или делали то и другое одновременно.

В результате процессов **конвергенции, или слияния, моделей двух (или более) языковых культур** в сознании людей, имеющих достаточно высокий уровень коммуникативной компетенции в иностранном языке, могут складываться структуры репрезентации речевых событий, совмещающие черты моделей и родной, и иноязычной культуры. Вследствие того, что многие содержательные, интерактивные и социокультурные особенности коммуникативных событий в иноязычной культуре ускользают от их восприятия, субординативные билингвы зачастую воспринимают эти события как практически полностью идентичные аналогичным событиям родной культуры. Простым объединением разных элементов родной и инокультурной модели они создают новую модель, отличную от исходных как по содержанию, так и по структуре. Таким образом, в результате гипергенерализации определенных свойств иноязычной речи у изучающих эту языковую культуру людей могут формироваться довольно своеобразные представления о ее нормах и правилах. Причем речь здесь идет о взаимодействии не только системно-языковых, но и всех других коммуникативно релевантных видов знания, в частности, организованных в модели дискурсивных событий.

При актуализации конвергентных моделей в дискурсе коммуникативное поведение билингва может оказаться отличным от типичного поведения как носителей его родного языка, так и

носителей языка общения. В рамках проведенного нами эксперимента у многих из говорящих по-английски русскоязычных информантов обнаруживались черты такого поведения: некоторые из составляющих дискурсивное взаимодействие речевых событий они осуществляли в соответствии с английскими скриптами (т.е. вполне “естественно”, с точки зрения носителей английского языка), а некоторые – в соответствии с русскими. Кроме того, совершаемые в соответствии с русской интерактивной моделью речевые акты часто осуществлялись посредством совершенно адекватных английских конвенциональных форм.

Появление у экспертов таких определений, как “неестественные” или даже “невозможные” в отношении вполне правильных с грамматической и лексической точки зрения высказываний иноязычных информантов можно объяснить несовпадением у носителей английской и русской языковых культур скриптов дискурсивного взаимодействия в данной ситуации общения. Как показывает проведенный анализ, скрипты эти определенным образом различаются и в семантическом, и в интерактивном, и в языковом плане, что обуславливает разные коммуникативные ожидания и, соответственно, разные стратегии ведения дискурса у информантов двух групп.

Вследствие различий в содержании контекстных, интеракционных и языковых знаний в сходных условиях общения носители английского и русского языков имеют разные пресуппозиции относительно содержательного наполнения актуализируемого дискурса (т.е. какие речевые события облигаторно составляют данную интеракцию), разные продуктивные интерактивные модели реализации дискурсивного взаимодействия (которые включают разные наборы речевых актов), а также разные варианты языковых способов осуществления этих речевых актов. В процессе общения на английском языке русскоязычные коммуниканты опираются как на имеющиеся у них знания, связанные с английской речевой культурой, так и на знания, обусловленные родной культурой, не осознавая различий между ними. Следствием этого и являются те несоответствия в их дискурсивном поведении, на которые указывают носители английского языка, воспринимающие иноязычный дискурс через призму собственных знаний.

Проведенный эксперимент показывает целесообразность и продуктивность коммуникативно-когнитивного рассмотрения обсуждаемого явления. Выявляя в коммуникативном поведении информантов стабильные тенденции и диапазон их неосознаваемых дискурсивных “норм

ожидания”, мы одновременно получили возможность фиксировать значимые отклонения от них на интеракционном и языковом уровнях. Используемая методика исследования позволяет обнаружить и описать сложные для восприятия и интерпретации факты, редко попадающие в поле зрения при других подходах к исследованию дискурса, но имеющие важнейшее значение для понимания закономерностей и механизмов его функционирования. Так, например, полученные результаты могут служить наглядным примером того, что способы манифестации общих принципов кооперативного взаимодействия П.Грайса и принципа вежливости Дж.Лича, несмотря на их универсальный характер, подвержены значительной социокультурной вариативности: в нашем эксперименте все коммуниканты безусловно следовали этим принципам, но носители английской и русской языковых культур делали это, используя разные дискурсивные стратегии.

Результаты эксперимента также убедительно доказывают, что владение языковым кодом не является гарантией правильного пользования им в условиях реальной коммуникации. Они дают возможность выявить те виды знаний, которые составляют неотъемлемую часть коммуникативной компетенции носителя языка и наполнить конкретным содержанием рассуждения специалистов о существовании прагматических знаний и их важности в коммуникативной деятельности людей. Эксперимент показал, прагматических знаний какого рода не хватает компетентным в языке коммуникантам для адекватного общения на нем: интеракционных (интерактивная организация дискурсивного события), семантических (содержательное наполнение дискурсивного события), контекстных, а также знаний конвенциональных языковых стратегий и форм. Особое значение при этом имеет тот факт, что знания эти не ограничиваются уровнем отдельного речевого акта, поскольку для адекватной коммуникации оказывается необходимым знать не только то, какое речевое действие и как можно совершить в дискурсе, но и в рамках какого речевого события оно может или должно быть совершено и в какой последовательности по отношению к другим речевым актам. Кроме того, результаты эксперимента приводят к выводу, что внешнее сходство контекстов ситуации общения в разных культурах не помогает, а скорее, мешает коммуникантам осознать культурно значимые различия между ними, что делает проблему недооценки трудности сходных явлений (“слабых контрастов”) особо актуальной как для теории, так и для

практики межкультурной коммуникации, и, конечно, преподавания иностранного языка.

Понятия естественности и адекватности позволяют рассматривать с когнитивно-прагматических позиций дискурсивные явления самого разного порядка: структуру дискурса, его интерактивную организацию и языковые свойства, а также такие связанные с его функционированием явления, как вежливость и эффективность. Все эти аспекты дискурса, которые при других подходах воспринимаются как достаточно автономные, при рассмотрении их с точки зрения адекватности оказываются непосредственно и тесно связанными друг с другом, составляя разные стороны одного – и очень существенного – качества коммуникативной деятельности людей, обеспечивающего их полноценное общение. Даже на примере достаточно просто организованного обыденного общения, которое мы намеренно максимально упростили в рамках эксперимента, чтобы заострить внимание на интересующей нас проблеме, оказалось хорошо видно, насколько значимым является

это свойство дискурса для его успешной реализации. Через призму понятия естественности в особом ракурсе высвечиваются когнитивные, прагматические, социокультурные и языковые свойства дискурса, а также раскрываются новые грани понятий адекватности и успешности дискурсивной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 893 с.
2. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 257 с.
3. Corder S.P. The significance of learners' errors // Richards J. (ed.) Error Analysis. – London: Longman. – 1974. – Pp.161-170.
4. Singh R., Lele J., Martohardjiono G. Communication in a Multilingual Society: Some Missed Opportunities // Towards a Critical Sociolinguistics – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. – Pp.237-254.